

З. В. Удальцова достойно представляла советскую историческую науку на международной арене, будучи делегатом трех международных конгрессов исторических наук в Вене (1965), Москве (1970) и Сан-Франциско (1975). Она участвовала в работе шести международных конгрессов византинистов, многих симпозиумов и конференций. Признанием научных заслуг З. В. Удальцовой явилось ее избрание в 1976 г. на XV Международном конгрессе византинистов в Афинах вице-президентом Международной Ассоциации византинистов. В том же году она была избрана членом Научного комитета Международного Центра исследований по истории византийской культуры в Южной Италии (Бари).

З. В. Удальцова является председателем секции византистики Национального комитета историков Советского Союза, членом советско-болгарской и советско-югославской комиссии. Много сил она отдает работе в качестве члена правления общества СССР—Греция.

В 1975 г. в связи с 250-летием АН СССР и за заслуги в развитии советской исторической науки З. В. Удальцова была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Весь жизненный и творческий путь З. В. Удальцовой может служить примером глубокой преданности историка-коммуниста делу советской исторической науки.

Редколлегия «Византийского временника» и все советские византинисты сердечно поздравляют З. В. Удальцову с шестидесятилетием, желают ей здоровья и новых научных свершений.

СИМПОЗИУМ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ В ЛИБЛИЦЕ (Чехословакия)

19—23 сентября 1977 г. в замке Либлице под Прагой состоялся симпозиум ученых социалистических стран по византиноведению. Симпозиум проводился в рамках договора о сотрудничестве в области византиноведения, заключенного в 1974 г. между Институтом всеобщей истории АН СССР, Институтом греческих, римских и латинских исследований АН ЧССР и Центральным институтом древней истории и археологии АН ГДР. В симпозиуме приняли участие делегации византинистов Советского Союза (Г. Г. Литаврин — руководитель делегации; К. А. Осипова; З. Г. Самодурова, Я. Н. Шапов), Чехословакии (Б. Застерова, Р. Досталова, В. Вавжинек, М. Лоос, Л. Гавлик и др.), ГДР (чл.-корр. АН ГДР И. Ирмшер, Х. Кэшштейн, К. Трой, У. Трой, Х. Диттен, Г. Ф. Винкельман, И. Рохов и др.), а также византинисты Румынии (Н. Танашока, Э. Попеску), Болгарии (Г. Цанкова-Петкова) и Польши (В. Церан). Всего в работе симпозиума участвовало около 40 византинистов. Было прочитано 25 докладов.

Симпозиум в Либлице проводился по двум основным темам: 1) Типология византийского феодализма и проблемы социально-экономической истории Византии; 2) Византино-славянские отношения. Кроме основных тем, были прочитаны доклады по проблемам истории византийской и славянских литератур, источниковедения, палеографии, истории искусства.

Симпозиум открылся 19 сентября вступительным словом главы делегации византинистов ЧССР, ответственного редактора журнала «Byzantinoslavica» проф. Богумилы Застеровой и приветственным выступлением главы советской делегации д. и. н. Г. Г. Литаврина.

Первый день работы симпозиума был посвящен проблемам типологии византийского феодализма и социально-экономической истории Византии. Эта проблематика, получившая значительное развитие в советском византиноведении, лишь сравнительно недавно стала предметом исследований византинистов ЧССР и ГДР. Однако ученые этих стран (по их собственному признанию — в значительной степени под влиянием работ советских ученых) в последнее время уделяют все большее внимание разработке этих вопросов, что дало возможность вынести на симпозиум ряд обстоятельных проблемных докладов.

С основным докладом «Некоторые особенности феодализма в Византии» организаторы симпозиума предложили выступить чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцовой. Поскольку З. В. Удальцова из-за болезни не смогла присутствовать на симпозиуме,

ее доклад был прочитан К. А. Осиповой. В докладе З. В. Удальцовой было проведено широкое сопоставление развития Византии и стран Западной Европы, что позволило уточнить критерии типологии и выявить направление эволюции и динамику феодального строя в Византии. Основными чертами византийского феодализма, по утверждению докладчицы, были: 1) наличие в Византии развитой безусловной частной собственности на землю; 2) существование государственной поземельной собственности (хотя не следует преувеличивать ее масштабы); 3) длительное существование в империи крепкой сельской общины свободных, хотя и платящих налоги государству крестьян; 4) относительная незавершенность иерархической структуры земельной собственности и ограниченность иммунитетных прав феодала; 5) сравнительно медленные темпы складывания феодальной вотчины; 6) отсутствие поляризации города и деревни, хотя в ходе исторического развития в поздневизантийский период наблюдалось преобладание деревни над городом (существенное отличие от стран Западной Европы). З. В. Удальцова наметила основные черты социальной стратификации византийского общества, дала характеристику формы государственного устройства и организации государственного управления империи.

Доклад «Роль Византии в типологии европейского феодализма» был сделан В. Гроховой (Прага)¹. Докладчица выделила три важнейших фактора, определивших специфику византийского феодализма: 1) формы эксплуатации непосредственных производителей (была подчеркнута значительная роль централизованной ренты как особо важная черта византийской действительности); 2) континуитет городской жизни, обусловивший преобладание города над деревней в IX—XII вв.; 3) противоречивость тенденций развития империи, которая была вызвана глубокими различиями между провинциями в уровне зрелости экономической и социальной структуры, в этнокультурном отношении.

Докладчица считает наиболее перспективным для изучения типологии систематическое исследование особенностей различных регионов Европы. По мнению В. Гроховой, при создании концепций типологии феодализма следует больше внимания уделять византийскому городу. Она утверждает, что город-эмпорий не был преобладающим типом городов в Византии. Господствовали три типа городов: город-крепость, церковно-административные и экономические центры. Однако ни один из этих трех типов не существовал в «чистом» виде, в каждом из них преобладала та или иная черта. Проф. Л. Гавлик (Брно) выступил с докладом «Генезис феодализма и славянские народы», в котором предпринял попытку типологизации феодализма в славянском ареале на широком фоне развития феодального способа производства в Европе и Азии. По мнению докладчика, в славянских странах в средние века существовала монополия собственности господствующего класса на землю, олицетворяемого государством. Реализовалась она в налогах, даях,¹ кормлениях, повинностях. Таким образом, важнейшей специфической чертой феодализма здесь была государственная форма эксплуатации, наиболее яркий вариант которой представлял собою «азиатский способ производства». Огромную роль играли контактные зоны между славянскими регионами и ареалами великих древних цивилизаций (Рим, Византия, Иран). Контакты того или иного славянского региона с одной из названных цивилизаций имели важное значение в формировании специфических черт феодализма.

Различным проблемам социально-экономической истории Византии были посвящены доклады Г. Г. Литаврина, К. А. Осиповой (Москва), Х. Кэпштейн (Берлин), М. Лооса (Прага).

Г. Г. Литаврин выступил с докладом «Спорные вопросы о положении зависимого и свободного крестьянства в Византии X—XI вв.». Он выделил четыре наиболее важные проблемы, касающиеся положения византийского крестьянства X—XII вв.: 1) проблему главных критериев, отличающих частновладельческих крестьян-париков от крестьян, обязанных лишь уплатой государственных налогов в казну; 2) проблеме количественного соотношения между государственными платежами свободного крестьянства и рентой частновладельческих париков; 3) вопрос о сходстве и отличиях в положении «государственных париков» сравнительно со свободными и частновла-

¹ Доклад публикуется в настоящем сборнике; см. выше, с. 3—8.

дельческими крестьянами; 4) проблему «парической экскуссии» и ее влияния на материальное и юридическое положение париков.

Докладчик определил в качестве «свободных» тех крестьян в Византии, которые обладали собственностью на свои земли и платили за них государственные налоги. В отличие от них феодально-зависимые крестьяне-парики находились в поземельной и личной зависимости от феодалов. Рентные платежи париков как показал докладчик, по крайней мере, вдвое превосходили размеры государственных налогов, взимаемых казной со свободных крестьян. «Государственными» париками, по мнению Г. Г. Литаврина, следует считать не всех крестьян-налогоплательщиков государства, а лишь держателей государственной земли, живущих в пределах императорских и правительственных имений. Так называемые налоговые льготы и экскуссия париков не сокращали платежей париков, они лишь означали передачу прав присвоения вносившегося ранее в казну налога с париков их господину.

К. А. Осипова в докладе «Особенности формирования феодальной зависимости византийского крестьянства» основное внимание уделила характеристике института присельничества как одного из важнейших путей формирования феодально-зависимого крестьянства в Византии. Докладчица проследила развитие процесса превращения ранее свободных крестьян-общинников в зависимых крестьян-париков, осуществлявшегося в ходе приселения этих крестьян на земли феодалов. В этом сложном процессе активную и глубоко противоречивую роль играло византийское государство. Развивавшийся относительно медленными темпами процесс консолидации класса феодально-зависимых крестьян так и не достиг в Византии окончательного оформления в значительной степени в силу тормозящего влияния централизованного государства.

В докладе Х. Кэпштейн «Формирование стратиотского землевладения в IX—X вв.» было подчеркнуто наличие глубокой имущественной и социальной дифференциации в недрах византийской сельской общины в IX—X вв. сравнительно с положением в более ранний период, отраженный в «Земледельческом законе». Процесс социальной дифференциации был характерен и для стратиотского землевладения. Среди стратиотов, как показала докладчица, в IX—X вв. были разные категории, различавшиеся по своему имущественному и социальному положению. Стратиотское землевладение как юридически особое явление формировалось исподволь в течение VII—X вв., при этом оно не было оформлено каким-либо единым официальным актом и имело в целом ту же судьбу, что и мелкое крестьянское землевладение вообще.

Вопросы эволюции византийской сельской общины рассматривались в докладе М. Лооса «Сельская община и земельная собственность в Византии в VIII—XI вв.». Общинное землевладение в Византии в этот период, по мнению М. Лооса, выражалось прежде всего в обладании общинной неподеленной землей. Докладчик обосновал вывод, что встречающиеся иногда в источниках термины «топос койнос» и «топос америстос» равнозначны. Динаты, подчеркнул М. Лоос, активно захватывали участки мелких землевладельцев не только в X, но уже в IX столетии: «разграбившие» проастии Филарета Милостивого местные жители были, согласно интерпретации автора, не крестьянами, а динатами.

По докладам, посвященным проблемам типологии феодализма и социально-экономической истории Византии и славянских стран, на симпозиуме развернулась содержательная дискуссия, в которой активное участие приняли советские византисты Г. Г. Литаврин и К. А. Осипова, чехословацкие ученые В. Грохова, В. Вавжинек, Х. Кэпштейн (ГДР), Г. Цанкова-Петкова (Болгария). Выступавшие остановились на ряде наиболее актуальных проблем социально-экономической истории Византии, стоящих в настоящее время перед наукой. К их числу участники дискуссии относили выяснение роли государства в процессе становления феодализма в Византийской империи и славянских странах, влияние византийского феодализма на формирование феодальных отношений у славян. В выступлениях отмечалась важность разработки проблемы верховной государственной собственности на землю — ее наличия или отсутствия в Византии и славянских государствах, исследования специфики исторического развития города в Византии и у славян, взаимовлияния византийского города и городов Западной Европы. Немало внимания в дискуссии было уделено проблемам византийской общины и крестьянства.

Значительное место на симпозиуме принадлежало проблематике славяно-византийских отношений. Эта тема по традиции широко изучается в Чехословакии, причем разрабатывается преимущественно тот ее аспект, который касается миссионерской деятельности византийцев среди славянских народов, в частности деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии. На симпозиуме эта проблема была затронута в ряде докладов чешских и советских ученых.

В. Вавжинек (Прага) в докладе «Византийская политическая теория и византийские миссии среди славян в IX в.» указал на отличия нового периода миссионерской деятельности византийцев в IX в. (со времени патриаршества Фотия) сравнительно с предшествующим временем. Это проявилось в значительном расширении ареала действий византийских проповедников, более последовательной поддержке их со стороны государственной власти, введении среди неофитов литургии на родном языке. По мнению докладчика, Кирилл и Мефодий руководствовались в своей деятельности официальной доктриной византийского двора. Однако в конкретных политических условиях в Великой Моравии в последний период своей деятельности они выступали объективно как представители местных кругов знати, придерживавшихся провизантийской ориентации. В. Вавжинек подчеркнул, что деятельность Кирилла и Мефодия, которые изобрели славянскую азбуку, носила общеславянский характер и имела большое значение для становления и развития славянских литератур.

В докладе Б. Застеровой «О двух великоморавских юридических памятниках византийского происхождения» была дана характеристика Закона Судного людем и анонимной гомилии к князьям-судьям, входящей в состав Клоцева сборника XI в. Б. Застерова в трактовке этих документов присоединяется к исследователям, считающим, что оба памятника принадлежат перу одного автора и что этим автором-соавителем был сам Мефодий.

Близким по теме к докладу Б. Застеровой был доклад Я. Н. Щапова (Москва) «Номоканон Иоанна Схоластика и Синтагма XIV титулов у славян (IX—X вв.)». По мнению Я. Н. Щапова, Моравский Номоканон Мефодия был обработкой византийского юридического сборника, приспособленного к условиям раннефеодального славянского общества. Исследователь показал, что обработки такого рода были известны не только в Моравии, но и в других славянских государствах. В начале X в. в Болгарии была переведена Синтагма XIV титулов. Я. Н. Щапов связывает появление обработок византийских юридических сборников с успехами социально-экономического развития славянских государств.

Вопросам византино-славянских культурных связей был посвящен доклад З. Г. Самодуровой (Москва) «Византийские и древнерусские энциклопедические сборники X—XV вв.» Сопоставление этих памятников, содержащих ценные сведения по истории культуры и образованности Византии и Руси, позволило автору поставить вопрос о степени влияния византийской культурной традиции на формирование энциклопедических сборников на Руси, вскрыть причины их появления. Докладчица показала, что наиболее интенсивным было влияние византийских образцов на составление юридических и богословских сборников и значительно более ограниченным — при создании историко-хронографических и литературно-грамматических произведений. Сходство состава, содержания и структуры сборников З. Г. Самодурова объясняет не только влиянием византийской культуры на древнерусскую, но общностью исторических судеб народов-соседей. Докладчица полагает, что эти сборники были предназначены не только для занимательного чтения, но и играли определенную роль в образовании.

В докладе проф. И. Дуйчева (София) «Византино-славянские литературные связи» было показано значение исследования памятников византийской литературы, сохранившихся только в славянских переводах. Докладчик подчеркнул ценность переводных сочинений, так как они знакомят нас с византийскими произведениями, не дошедшими до нас на греческом языке, дают возможность представить направление развития византийской литературы, характеризуют стиль и приемы работы византийских писателей.

Ученые ГДР представили ряд докладов по истории византийской литературы и источниковедения — отраслей византистики, разработка которых особенно широко ведется в этой стране.

И. Ирмшер (Берлин) выступил с докладом «Образ Льва VI Мудрого в византийской литературе». Докладчик привлек широкий материал источников различных жанров, характеризующих жизнь и деятельность этого византийского императора. В докладе была дана в целом позитивная характеристика Льва VI прежде всего как интеллектуала, философа и эрудита, незаурядные творческие данные которого усиливали ему славу в византийской историографии и в литературе соседних, в том числе славянских, народов.

Близким по характеру был доклад Ф. Винкельмана (Берлин) «Образ Константина I в византийской агиографии». В докладе была подчеркнута важность исследования агиографических памятников для изучения представлений византийцев об идеальном монархе. Однако, несмотря на большое количество данных по этому вопросу в агиографических памятниках, ценность содержащихся в них сведений невысока из-за специфики самих источников, целью которых было лишь традиционное прославление византийских императоров. Докладчик отдал предпочтение хронографическим источникам, сообщающим более полные и близкие к реальности данные по затронутому вопросу.

В докладе «Развитие византийской литературной эстетики» Р. Досталова (Прага) дала положительные ответы на вопрос, можно ли в связи с византийской литературной эстетикой говорить о подлинном качественном развитии в области византийской литературы. Она проследила эволюцию византийской литературы в хронологическом порядке, показав последовательное нарастание позитивных изменений в области художественного творчества византийцев. Отметив неровность, противоречивость этого процесса (в частности упадок в VII—VIII вв., в период иконоборчества), докладчица подробно охарактеризовала этапы высоких «взлетов» византийской литературы — в творчестве Фотия, Пселла, Евстафия, Никиты Хониата, подчеркнув, что новые эпохи не просто пытались воспроизводить достоинства предыдущих этапов, но и создавать качественно новые художественные ценности.

И. Рохов (Берлин) в докладе «Полемика византийских авторов против современных им ересей в период между 843 и 1025 гг.» показала, что в империи в самых различных жанрах литературы и в самой разной форме отразилась острая идейная борьба, пронизывавшая жизнь византийского общества. При этом особым нападкам подвергались павликианство и богомилство, крупнейшие еретические движения в Византии.

Анализ малоизученных византийских рукописей IX—X вв. был дан в докладе К. Троя (Берлин), выявившего около 100 манускриптов, написанных в этот период. К. Трой не только определил писцов ряда кодексов, но и выяснил их социальный статус, убедительно доказав, что писцами были не только монахи, пресвитеры и диаканы, но и светские лица. В докладе была высказана мысль о значительном культурно-политическом подъеме, происходившем в Византии в IX—X вв. К. Трой усматривает косвенную связь между возникновением нового типа письма — минускула — и иконоборческими спорами VIII в., которые, по его мнению, активизировали духовную жизнь империи.

Кроме перечисленных докладов, проблематика которых была связана с основными темами симпозиума, были прочитаны доклады по вопросам византийской филологии (З. Хауптова, Прага), взаимоотношений славян и протоболгар (Х. Диттен, Берлин; Г. Цанкова-Петкова, София), источниковедения, византийского искусства (А. Авенариус, Братислава; В. Конзал, Прага; К. Рихтерова, Прага).

Советские ученые имели много интересных и полезных встреч и бесед с делегатами симпозиума, в ходе которых обсуждались как научные проблемы, так и вопросы дальнейшего развития византистики в социалистических странах и научного сотрудничества византистов. Было принято решение о совместном проведении симпозиумов, издании сборников статей, взаимной публикации научных материалов в журналах, расширении книгообмена и научной информации.

К. А. Осипова